

Это было сделано по собственной воле Фань Цина. Раз уж они с Хао Су уже начали встречаться, то, разумеется, этот человек больше не был лишь плодом его фантазий — он мог совершенно обоснованно пользоваться правами бойфренда. К тому же... Его рука лежала на сильном запястье мужчины, и это контрастом подчеркивало всю беспомощность Фань Цина в данный момент. Брови его были сурово сдвинуты, глаза казались необычайно яркими, а под воздействием охватившего его состояния они мерцали, точно звезды.

— Хао Су.

— Я хочу тебя.

Он звал его по имени и говорил ему: я хочу тебя. Человек перед ним был до того честен, что не желал скрывать о себе ровным счетом ничего. В Личном домене абсолютно всё в Фань Цине достигало предельной откровенности. Розы, стоявшие на прикроватной тумбе, словно уловили сокровенные желания хозяина Личного домена и слегка качнулись.

Рука Хао Су, оказавшаяся во власти Фань Цина, долго не проявляла ни малейшего движения, из-за чего в следующий миг тот снова услышал, как его зовут:

— Хао Су...

— Мм, я слышу.

Слишком неторопливый и размеренный ответ лишь усиливал охватившую изнутри тревогу. Медленно, восприятие приблизилось к самой грани. В этот момент возникала зрительная иллюзия: казалось, стоит Хао Су приложить лишь малейшее усилие, и он сможет превратить Фань Цина в кого угодно.

Фань Цин был создателем правил, он обладал здесь абсолютно всеми правами. Однако перед Хао Су всё это оказывалось столь бесполезным, потому что истинным господином правил был он. Сколько бы ни существовало здесь ограничений или правил, для Хао Су они не имели никакой силы. Стоило ему захотеть, и он мог запросто взять этот Личный домен под свой контроль.

Хао Су мог сделать комнату светлее, а розы — увядшими. Он также заставил Фань Цина выпевать губами какой-то неведомый мотив, но тут же велел ему умолкнуть.

Наклонившись и заметив растерянный взгляд Фань Цина, Хао Су ничего не сказал, лишь легко улыбнулся, доведя правила хорошего тона до абсолютного совершенства.

— Цин-цин пусть сам подготовится, хорошо?

Хао Су притянул к себе руку Фань Цина, заставляя того самогорушно готовить всё необходимое. В этот момент он вновь подчеркнул положение Фань Цина. Тот был полноправным хозяином всего в Личном домене, включая его самого, а значит, должен был нести ответственность.

Контраст между высоким положением и происходящим лишал руки Фань Цина всяких сил, но Хао Су действительно ни капли ему не помогал.

— Знаешь, что нужно делать?

— З... наю.

Перед тем как войти сюда, Фань Цин просматривал материалы на этот счет.

— Неправильно, помедленнее.

Заметив, что тот зажмурился, Хао Су словно в шутку перехватил его руку и, тихонько и отчетливо повторив всё на ухо, тут же отпустил.

Хотя Хао Су и был порождением фантазии Фань Цина, для последнего он существовал вполне наяву. Но в этот самый момент Фань Цин действительно действовал сам. По сути, он сам себя наставлял и сам вел себя к крушению.

Стоявшие у изголовья розы в соответствии с желанием хозяина распустились до предельной, манящей сочности.

Хао Су крепко зафиксировал руку Фань Цина, которая попыталась отпрянуть, и посмотрел на его раскрасневшееся лицо. Прекрасное лицо почти сплошь было покрыто слезами, ресницы намокли, а уголки губ выглядели растерзанно. Наложение предельной внешней хрупкости на абсолютную чистоту создавало ощущение невероятного, непреодолимого соблазна. Красивые люди хороши в любые моменты, особенно сейчас.

— Куда спешишь?

В его голосе снова звучали нотки наставника, воспитывающего ребенка, — в них сквозило необычайное терпение.

— Открой глаза, Цин-цин.

Его голос, сливаясь с размеренным ритмом, довершал все приготовления с избыточной тщательностью.

— Ох... я...

— Что такое?

Фань Цин испытывал жесточайший внутренний конфликт: даже сейчас ему казалось, что он невероятно пал, раз способен вообразить всё это. Оказывается, ему нравился такой человек, как Хао Су, и ему нравилось, когда кто-то обращался с ним подобным образом. Но казалось, чем сильнее было это чувство, тем выше взмывало возбуждение, и тем несравненнее становились все ощущения наперебой.

На нем оставалась лишь еле державшаяся рубашка, похожая на зимний туман, скрывающий солнце, но она не могла затуманить созданный искусственно пейзаж. Творец то тут, то там оставлял свои мазки, нарочно обходя самые заветные для хозяина места.

Смотря на Фань Цина свысока, Хао Су дождался, пока тот откроет глаза. Он всегда был столь бесстрашен, стремясь подобраться к Хао Су еще ближе. Из-за этого даже обычные слова превратились в тихие всхлипы.

— Жадный.

Снова последовал тихий упрек. И хотя Хао Су уже говорил Фань Цин немало подобных слов, каждый раз реакция последнего была такой, словно он слышал их впервые. Смущенный и возбужденный одновременно.

В затуманенных слезами глазах отражался только Хао Су, казалось, он хотел навечно запечатлеть каждую его черту.

— Хао Су, ты... поцелуй меня, ох...

Фань Цин уже был не в силах выносить это запредельное состояние, и теперь надеялся лишь на то, что Хао Су поможет ему отвлечься и успешно завершить то, о чем тот так заботливо просил. Его запястье по-прежнему удерживал Хао Су.

— Куда поцеловать?

По сравнению с Фань Цзином, Хао Су выглядел безупречно элегантно, и даже его волосы не рассыпались ни на йоту. На переносице покоились очки в тонкой оправе, по их краям преломлялись световые блики, отражая необъяснимый блеск в его персиковых глазах. Он ничуть не изменился.

Бездна не станет тревожиться из-за падения человека, не станет страшиться людского падения. Они были абсолютно уверены в себе, держали победу в собственных руках и лишь спокойно ждали прибытия добычи.

Если не считать выходных, когда он облачался в повседневную одежду, в будни Хао Су всегда носил довольно строгие костюмы. И все же, чем более солидный вид он сохранял, тем более дерзкие поступки совершал.

— Поцелуй...

Слова были невнятными, слышными лишь одному Хао Су. Произнеся их, Фань Цин снова прикрыл глаза, и вместе с ними полились слезы.

Среди шорохов мольба наконец умолкла.

Приливы были бескрайними, а ощущения — безграничными. Хао Су чувствовал, как сжимающиеся в его руке запястья наливаются силой, шея Фань Цина откинулась назад, выгнувшись изящной дугой, а кадык дрожал, точно упавший на ветку зимний снежный ком. Стоило подуть ветру, как он тут же затрепетал, осыпаясь вниз легкими снежными лепестками.

Пот делал красоту Фань Цина еще более ослепительной. Под тихий звук его онемевшие и потерявшие чувствительность руки обрели свободу, и Хао Су отложил их в сторону.

Кончики пальцев от чрезмерных усилий порозовели сквозь прозрачность. Стоило пальцам слегка шевельнуться, как эта влажная пелена тут же потянулась нитями, напоминая раскачиваемую ветром паутину в долине — одновременно хрупкую и прочную.

Фань Цин не стал смотреть на свои руки, его взгляд был прикован исключительно к Хао Су.

Солидный и нежный мужчина прямо перед ним снял верхнюю одежду, а в следующее мгновение пальцы распустили безупречно завязанный галстук. Следы с кончиков пальцев незаметно оставили на ткани темные пятна — они отпечатались там тогда, когда Хао Су держал его руки.

Они оба смотрели друг на друга, не мигая. Чем дольше Фань Цин смотрел, тем сильнее краснело его лицо, а Хао Су заметил, что тот даже затаил дыхание.

Прежде чем распутать последнюю преграду, он замер.

Смотревший на него человек сам не осознавал, до чего же жадно он выглядел в эту минуту, и уже собирался что-то залепетать. Снова встретившись взглядом с Хао Су, Фань Цин только тогда сообразил, что его вторая рука едва не заменила самого Хао Су.

— Дыши.

Придерживая Фань Цина за подбородок, напомнил Хао Су, даже не взглянув на ту руку, которую тот попытался спрятать.

Частое и сбивчивое дыхание тут же восстановилось, правда, из-за излишней спешки Фань Цин закашлялся. От этого кашля слегка задрожала вся кровать, и в этот момент Хао Су снова опустил голову.

— Цин-цин, помоги мне снять очки.

Если не считать того раза, когда Хао Су только вышел из душа, он всегда носил очки при встречах с Фань Цинем. Однако сейчас он просил Фань Цина снять их с него, и смысл этого жеста Фань Цин понимал без лишних слов.

Если не снять их, они могли слететь во время чересчур бурного продолжения. При мыслях о том, как Хао Су ради него разрушит свое привычное хладнокровие, проявив безумие под маской нежности, как его волосы слегка растреплются, а глаза будут смотреть на него с ласковой насмешкой, Фань Цин почувствовал, как по телу пробежал предвкушающий разряд радости.

Он протянул чистую руку и стянул очки с лица Хао Су.

Однако не успел он положить их на прикроватную тумбу, как движение его замерло. Осязаемая преграда оборвала плавность его жестов, заставив слегка нахмуриться, сжаться всем телом и погрузиться в абсолютную пустоту в голове.

По мере того как Хао Су подался вперед, собственная гибкость Фань Цина растянулась до предела. Рука с очками качнулась и с глухим стуком упала у края кровати.

Пол был застелен ковром, звук получился едва слышным, и никто не обратил внимания на то, что стало с очками. Фань Циню было некогда об этом думать, да и их хозяин не уделил этому и доли внимания. Более того, когда Фань Цин подсознательно попытался дотянуться до очков, Хао Су вновь пресек его попытку.

Об очках окончательно забыли, а крушение Фань Цина оказалось стремительным и неотвратимым. Он звал Хао Су по имени — снова и снова. Это ощущение кардинально отличалось от обычной, простой помощи Хао Су.

— Хао Су!

Они были настолько близки, что между ними стерлись даже границы их «я».

Всё происходящее загоняло Фань Цина в тупик: весь он казался расплавленной на водной глади дрожащей вечерней заре — разбитый и прекрасный, вызывающий желание безжалостно сорвать его.

— Поцелуй... ох...

Фань Цин что-то бессвязно шептал. В этот момент казалось, что что бы он ни попросил, Хао Су без колебаний отдастся до конца.

Вскоре мысли окончательно спутались, стало трудно даже понять, какой сейчас день и час, но желание обладать оставалось слепым и непреклонным.

Левая сторона во время поцелуя подверглась укусу — и без того невероятно чувствительное место никак не могло вынести подобного обращения. Почти визгливый крик сорвался с губ вместе со слезами.

Хао Су прекрасно знал, где находится предел выносливости Фань Цина. Время шло, уплывало всё вокруг.

Отражение заката у берега реки являло собой несравненную, потрясающую красоту, и всё то, что было недоступно человеческим силам, с лихвой восполнялось ими самими.

Левая сторона уже пострадала, но другая оставалась невредимой. Разрушение и совершенство предстали воедино, идеально сплетаясь в красное и белое.

Он был красотой, созданной его собственными руками, которую можно было раскрашивать по своему усмотрению.

— Цин-цин.

Это был призыв абсолютной нежности, звучавший ровно, но все же чуть иначе, чем прежде.

Противостоять такому Хао Су не мог никто, и уж тем более Фань Цин. Он тут же прижался к нему еще крепче, сокращая и без того нулевую дистанцию.

Дыхание было совсем рядом, Хао Су слышал и видел его.

С каждым новым зовом Фань Цин всхлипывал, казалось, он разучился говорить и был способен лишь на самый первобытный крик.

Так оно и было. В состоянии крайнего помрачения человек не способен вспомнить ни о чем, и все его поступки диктуются исключительно инстинктами.

А инстинктом Фань Цина был Хао Су.

— Хао Су, я люблю тебя.

Сбивчивые слова слетали с губ Фань Цина вразнобой, но звучали с абсолютной, всепоглощающей искренностью.

Волосы Хао Су уже немного растрепались, и когда он наклонился, капля пота со стекающей пряди упала прямо на тело Фань Цина. Как раз на самое уязвимое место, заставив того издать жалобный стон.

Однако в следующий миг эта капля была стерта губами хозяина.

Пусть и столь легко, это все же усилило раздражение на поврежденной коже. Фань Цин дернулся, но его движение было полностью пресечено.

Вечерняя заря сохраняла окончательный покой, и лишь когда легкий ветерок касался водной глади, она неспешно расходилась кругами.

Накинутая верхняя одежда, так и оставшаяся расстегнутой, давно покрылась пятнами неизвестно от чего — теперь даже на подбородке Фань Цина остались следы этого безумия. Губы скользнули вниз по подбородку, задерживаясь на шее, где тоже скрывалось немало отметин. Хао Су на мгновение отпустил Фань Цина, кончиками пальцев коснулся следов на его шее, а затем перевёл руку на его губы. Когда он уже собирался отнять руку, Фань Цин сам приоткрыл рот. Своим собственным способом он вытер Хао Су пальцы — чисто-начисто, не оставив ни единого следа.

— Цин-цин понимает, что делает? — спросил Хао Су, не пытаясь его остановить. Он вновь превратился в ту самую розу из прошлого. Роза была с шипами, и нужно было поминутно остерегаться, как бы не пораниться, но на руках у Хао Су никаких шипов не было, и ни ему, ни Фань Цину не нужно было проявлять излишнюю осторожность.

Это напоминало элегантный и древний тайный ритуал, выверенный до мельчайших нюансов — ровно в тех пределах, на которые был способен Фань Цин. Хао Су не доставил ему ни малейшего неудобства. Косые тени заходящего солнца постепенно расползались, заливая всю речную гладь и отражаясь в ней ослепительным сиянием.

— Зн... — с трудом выдавил из себя слог Фань Цин. Он никак не мог дать Хао Су полноценный ответ.

Во всем Личном домене, кроме этого дома, все остальные люди и вещи исчезали, потому что у их хозяина уже не оставалось душевных сил на поддержание этих иллюзий. Остался только Хао Су. И только он был ему нужен.

Хао Су чувствовал это. Он мог бы сделать так, чтобы все эти рушащиеся создания вновь появились на прежних местах, но не стал — напротив, он лишь ускорял разрушение внешнего мира.

Прошло неизвестно сколько времени, а роза на прикроватной тумбе казалась полностью распутившейся. Она цвела так безудержно, что даже если бы её попытались сложить руками, лепестки уже не сомкнулись бы. Густой, насыщенный аромат заполнил пространство, на время заглушив запахи, улавливаемые одними лишь чувствами.

Хао Су смахнул лепесток, прилипший к телу Фань Цина — в момент наивысшего возбуждения лепестками была усыпана даже постель. Он заметил, что проявления Фань Цина в Личном домене несколько отличались от реальности: например, его выносливость казалась куда выше.

Однако в ответ на просьбу Фань Цина он всё же ответил отказом.

— Больше нельзя целоваться, — Хао Су перебирал пальцы Фань Цина, сжимая его руку. Его голос уже вернул себе ровность, хотя в нём всё ещё слышалась легкая хриплоца. — Губы опухли.

Он констатировал этот факт абсолютно беспристрастным тоном, отчего тот, кто только что собирался поластиться, мгновенно умолк — казалось, он готов был спрятаться целиком, прикрывшись даже ушами.

— Тебе где-нибудь больно? — длинные пряди волос откинули за ухо обнаженной ладонью, открывая порозовевшие щеки.

Они прижимались друг к другу так близко, что временами было трудно разобрать, чьё именно дыхание они слышат.

— Нет, — ответил Фань Цин Хао Су.

Хао Су никогда не причинял Фань Цину неудобств; даже когда тот терял голову от чувств, сам он неизменно сохранял рассудок. Заметив, что после ответа Фань Цин смотрит на него во все глаза с невероятно смущенным видом, Хао Су прижался лбом к его лбу — в этом жесте было нечто нежно-романтическое.

— Что ты хочешь сказать?

— Ты... закрой глаза.

— Зачем закрывать глаза?

— Ну... закрой же.

Его интонация звучала донельзя мягко, а уголки глаз всё ещё алели не спадающим румянцем — он ластился к Хао Су.

Хао Су послушно закрыл глаза. Тут же его шею обвили руки, и Фань Цин прижался к нему еще ближе. С его губ сорвался совсем тихий, исполненный невыразимого смущения голос:

— Мне совсем не больно, Хао Су, с тобой мне было так хорошо.

Каждый раз всё было именно так.

Фань Цин неизменно погружался в бескрайнюю радость, и даже теперь, когда всё стихло, он всё еще смаковал только что пережитые ощущения.

Фань Цин не отстранился сразу, поэтому Хао Су не открывал глаз. Выждав с полминуты, он снова услышал его голос:

— А ты?

Одиноким, и в то же время исполненный безмерного ликования, словно замерший на ветке свет. Он спрашивал о чувствах Хао Су. Они были влюблены, и в этом деле всё зависело не от одного лишь него — второй человек был точно так же важен.

Хао Су надавил на спину Фань Цина, и тот рухнул прямо на него.

Раскрыв глаза, Хао Су посмотрел на человека, оказавшегося в опасной близости, и, подражая его недавней манере, подался вперед с легкой улыбкой на губах:

— Цин-цин только что был тоже очень хорош.

Он не дал прямого ответа, но смысл был понятен без слов.

Словно от грохнувшего грома, Фань Цин почувствовал, как вся кровь прилила к голове.

А Хао Су тем временем продолжал:

— Вот здесь хорош, — палец коснулся губ Фань Цина. — И вот там хорош, — палец лег на

талию. — А еще...

Он рассыпал похвалы так щедро, что Фань Цин был не в силах поднять голову, перечисляя во всех подробностях всё, в чем тот оказался хорош. Когда же всё было сказано, Фань Цин обвился вокруг Хао Су, точно осьминог.

И при этом, донельзя устыдившись подобных разговоров, он всё же, растерянно моргая, переспросил, желая убедиться:

— П-правда?

Похвалы Хао Су звучали слаще любых слов и радовали Фань Цина больше всего на свете. Ему хотелось слышать, как тот хвалит его снова и снова.

— Хао Су, я хочу записать твой голос.

— Ск-скажи это еще раз, пожалуйста?

Его голос срывался от зашкаливающего волнения. В каких бы мирах они ни оказывались, Фань Цин неизменно испытывал к Хао Су одну и ту же жажду. Ему хотелось быть ближе, хотелось большей близости, хотелось записать его голос и видеть его повсюду, в любое время.

Глядя на него, Фань Цин в знак уговора легко коснулся его губ поцелуем.

— Хао Су. Каждый раз, когда он произносил имя Хао Су, в его голосе словно плескалась бесконечная весенняя вода, а та внешняя холодная сдержанность, что была ему свойственна, полностью исчезла с тех пор, как они стали вместе.

— Жадина, — легко пожурил его Хао Су. Подобные слова он уже говорил Фань Цину чуть раньше, только по другому поводу. — Ты ведь не сможешь вынести запись наружу, неужели собираешься слушать её в Личном домене целыми днями?

Забываясь о здоровье Фань Цина, Хао Су установил лимит на количество визитов. Если речь шла об обычных свиданиях, они не в счёт, поэтому Фань Цин не заходил сюда слишком часто. Вещи из Личного домена нельзя было забрать с собой, к тому же каждый раз, когда Фань Цин заходил внутрь, Хао Су тоже оказывался там. Если подумать, даже если бы Фань Цин записал голос Хао Су, у него просто не оставалось бы свободного времени на прослушивание.

— Но я хочу всё запомнить.

Ему нравилось, когда Хао Су обращался к нему именно в таком тоне, ему хотелось запечатлеть каждое сказанное Хао Су слово, имеющее к нему хоть какое-то отношение.

Хао Су провёл рукой по слегка влажным волосам Фань Цина и с абсолютно тем же интонированием повторил те самые слова. Стоило Фань Циню лишь пожелать, и Личный домен мог сам зафиксировать его голос. Вместе со всеми здешними образами он мог сохранить всё это у себя.

Из-за путаницы в воспоминаниях Фань Цин целых несколько дней не открывал Личный домен,

однако информация о Хао Су становилась лишь отчётливее. Хао Су наставлял его, помогая превратиться из неопытного юноши в зрелого мужчину. В глубокой ночи, когда вокруг царил тишина, память неизменно уводила в хрупкие, зыбкие сны. Фань Цин снова заснул, но его сон никак не был связан с прошлыми воспоминаниями — его породили лишь бесчисленные, неутолимые желания. Сновидение оказалось куда более стыдным, чем фантазии в Личном домене. Последний всё же сохранял некое подобие рассудка, в то время как сон являл собой чистейшее, откровенное выражение чувств. Во сне он преследовал выдающегося офисного работника. Тот круглый год носил строгий черный костюм, носил очки в тонкой оправе и каждое утро ровно в семь часов появлялся на станции метро. Сон делал всё нелогичное абсолютно естественным, и Фань Цин даже не задумывался, почему мужчина столь элитного вида не имеет собственной машины и вынужден целыми днями давиться в подземке. Лица его он толком не видел — лишь знал, что незнакомец выше его ростом, а тело, обтянутое суконным костюмом, сложено невероятно гармонично. С самого первого взгляда на этого клерка Фань Цин без памяти в него влюбился. Ему самому нужно было ехать по второй линии, а служащий пользовался первой. Бесстыдным образом толкаясь в толпе, Фань Цин приближался к объекту своего вождения и в самый момент закрытия дверей вагонов внезапно прижимался к нему всем телом. По утрам народу в метро набивалось множество, и в этой давке служащий никак не мог понять, чей же это наглый и распутный кусок плоти коснулся его руки, скользнул по его талии. Словно извращенец, прильнув к его спине, он шептал слова восхищения:

— От тебя так приятно пахнет.

Фань Цин перехватил руку служащего и на следующей же станции вышел из вагона. Он запомнил его маршрут и с неизменным упоением продолжал преследовать мужчину. Пока в один прекрасный день, собираясь, как обычно, выйти пораньше, он неожиданно не был пойман за запястье. Офисный работник, выжидая момент и затаившись, наконец-то сумел среди бесчисленной толпы незнакомцев безошибочно схватить того, кто так долго и дерзко донимал его. У него было необычайно красивое лицо, но Фань Цин всё равно не мог разглядеть его до конца, лишь смутно чувствуя, что этот человек должен быть мягким и добрым. Однако сейчас этот мягкий человек излучал агрессию и властность: он не только перехватил его руку, но и прижал к стенке вагона, уперевшись руками и полностью заключив в кольцо, в то время как остальные пассажиры равнодушно игнорировали происходящее.

— Это ты, — раздался небрежный голос.

Та самая рука, которую Фань Цин тянул к себе и бесчисленное количество раз ласкал, поднялась и полностью зачесала назад волосы преследователя, обнажая его непривычно чистые брови и глаза.

— На вид такой чистенький, а в душе такая грязь.

— Если не наказать тебя, ты ничему не научишься.

Отношение служащего казалось несколько странным: Фань Цин только успел испугаться от того, что тот зачесал ему волосы назад, как в следующее мгновение его руку крепко сжали. Сначала они просто переплели пальцы, затем ладони постепенно соприкоснулись всей поверхностью, а после их пальцы раздвинулись и переплелись вновь. Словно невероятно терпеливая змея, дюйм за дюймом...

— Мм...

— В чем дело, уже от этого что-то почувствовал?

Служащий не отступал, его губы тронула легкая улыбка. Подобный насмешливому тон лишь сильнее возбуждал Фань Цина; он прекрасно понимал, где находится и что именно происходит вокруг. Вокруг уже то тут, то там начали бросать любопытные взгляды, но служащему было совершенно наплевать.

Молния на вороте его одежды была расстегнута, указательный палец подцепил край внутренней рубашки, и служащий склонился над ним, возвращая Фань Циню те самые слова, которые тот повторял каждый день:

— От тебя так приятно пахнет.

При этих словах веки Фань Цина слегка покраснели. Вскоре, почувствовав, как что-то коснулось его в ответ на его движения, Фань Цин и вовсе не смог сдержать испуганного вздрагивания.

— Тц.

Этот односложный звук прозвучал так, будто в нём сквозило раздражение, но странным образом заставил Фань Цина замереть. Он постепенно расслабил тело, оказавшись в тесных объятиях офисного работника. Сзади была стена вагона, спереди шаг за шагом наступал офисный работник, и когда тот устроился между его ног, уголки глаз Фань Цина наконец увлажнились.

Через два слоя одежды его ноги словно стремились сполна отплатить за все те докучливые преследования последних дней.

Офисный работник сжимал его руки, наслаждаясь его вкусом и оценивая всё подряд:

— Руки такие мягкие.

— Рот такой сладкий.

— И до чего же ты мастак плакать.

Он довёл его до того, что у того отнялись руки и ноги, лицо покраснело, а сам он зашелся в тихих рыданиях — и всё это на глазах у изумлённой публики.

Но стоило поезду прибыть на станцию, как он безжалостно бросил его прямо там, в вагоне, оставив на произвол судьбы и даже не обернувшись на прощание.

В тот миг, когда обессиленный Фань Цин осел на пол, видение вновь сменилось.

Его сон изменился. На этот раз он перенёсся в дом офисного работника. Как бы офисный работник ни унижал своего преследователя, тому, казалось, было совершенно всё равно, и даже хуже — казалось, его одержимость лишь усиливается.

Поэтому он сам пригласил его к себе домой, решив преподать тому незабываемый урок.

На журнальном столике стояло пять одинаковых по размеру чашек, и в каждую был налит разный напиток: один — сладкий, другой — кислый.

Работа офисного работника заключалась в разработке новых напитков, и это была новейшая продукция их компании. Он намеревался заставить Фань Цина попробовать их все и записать свои впечатления.

— Вкусно?

— Вкусно.

— Какого вкуса?

— Сладкого.

— Мм, выпей ещё чашку.

Офисный работник взял другую чашку и лично поднёс её к губам Фань Цина. Он совершенно не обращал внимания на то, с какой скоростью Фань Цин сглатывал, продолжая поить его безо всякой уступчивости. Даже когда тот заходился кашлем, рука мужчины не дрогнула и не поднялась. Тёмная жидкость пролилась на светлую одежду Фань Цина, а подбородок и ключицы оказались насквозь вымазаны напитком. Все пять чашек были полностью влиты ему в рот. Сколько было пролито раньше, столько же влили теперь. Сладкое и кислое смешалось воедино, создавая странный, причудливый привкус.

Офисный работник допытывался у Фань Цина, в чём именно заключались различия между каждым из напитков. Тот изо всех сил старался назвать отличия, но работник всё никак не хотел отставать. Насколько первая чашка слаще второй? Насколько третья кислее четвёртой?

— На три десятых.

— Неверно.

Мягкий голос без устали опровергал его слова, а стрелки часов описывали круг за кругом. Фань Цин выпил слишком много жидкости и хотел в туалет, но мужчина не разрешал. Он связал ему руки и ноги, не позволяя сдвинуться ни на дюйм, и установил перед ним видеокамеру.

— Терпи, иначе всё это попадёт на запись.

Мужчина ограничивал любые его действия, так что оставалось лишь продолжить прерванный вопрос. От чётких и стройных ответов он перешёл к встревоженным и торопливым. Красный

огонёк камеры мигал, и с глаз Фань Цина снова катились слёзы. Больше он терпеть не мог.

— На две... трети.

Сквозь всхлипывания сорвался ответ, и верхняя половина тела Фань Цина согнулась, зарывшись в диван, а ноги переплелись.

— Правильно.

В этот момент слова мужчины прозвучали как ангельская музыка, но его действия оставались невероятно жестокими. Он надавил ему на живот.

Это было поистине суровое наказание. В следующий же миг, как только Фань Цин всхлипнул в голос, сцена в сновидении вновь переменилась.

— Ах...

Странный звук вырвался изо рта Фань Цина, и, придя в себя, он обнаружил, что находится в подземном паркинге. Вокруг стояли автомобили самых разных типов, а сам он полураздетый лежал навзничь перед капотом чёрного седана. Вокруг царил тишина, отчего его крик казался ещё более громким и неуместным.

Лицо мужчины, обладавшее красивыми чертами, полностью скрывалось в тени. После устроенного наказания офисный работник поддерживал с ним именно такие порочные отношения. Любовниками их назвать было нельзя — они были лишь случайными прохожими, использующими друг друга, чтобы утолить потребности. Они часто, как и сейчас, занимались чем-то запретным в публичных местах. Это было похоже на бесконечный, абсурдный сон.

— Сконцентрируйся, — напомнил ему мужчина на деле, и в этот миг его лицо отчетливо проступило перед глазами.

Пара чувственных персиковых глаз, высокий нос, тонкие губы, необычайно яркая внешность и ленивая улыбка. Это не был сон. Первые два видения оказались сном, но третье — нет. Оно когда-то по-настоящему произошло в его Личном домене, вместе с Хао Су.

До того как началась школьная лекция по гигиене и здоровью, Хао Су появлялся в каждом временном отрезке жизни Фань Цина за последние два года. Чем ближе становились их отношения, тем смелее вел себя Фань Цин, что наглядно отражалось в каждой новой обстановке, которую он создавал в Личном домене.

Стоянка была огромной, но зона их активности от начала и до конца ограничивалась пространством возле того черного седана. Кузов машины то и дело раскачивался в такт их движениям, и голова Фань Цина время от времени стучалась о капот. Вдалеке то и дело

раздавались звуки заводившихся моторов, однако машины никогда не проезжали мимо. Лишь лучи фар порой скользили поблизости во время поворота, окрашивая кожу Фань Цина в бледно-золотистый оттенок и одновременно вытягивая тень Хао Су, которая накрывала и автомобиль, и самого Фань Цина.

Хао Су увидел, как Фань Цин протянул к нему руку, немного помедлил, прежде чем поднять его, а капли пота оставили заметные следы на капоте. Какое-то время они оставались снаружи; подобное моральное падение довело Фань Цина до того, что он в какой-то момент не выдержал и, прижавшись губами к плечу мужчины, сдержанно укусил его. Затем задняя дверца распахнулась, и Хао Су затащил его внутрь.

Под весом двух тел шины прогнулись у земли, словно водная рябь. Теснота пространства вовсе ничему не мешала, а лишь сильнее сближала их. В салоне играла какая-то незнакомая песня, мягкая музыка резко контрастировала с состоянием Фань Цина. Он обеими руками крепко обнимал переднее сиденье, а в зеркале заднего вида можно было заметить полуприкрытые глаза, то показывающие его макушку, то скрывающие ее. Силуэт же другого человека почти не менялся: он просто сидел сзади, и Фань Цин лишь изредка заслонял половину его лица.

Одна рука Хао Су легко лежала на теле Фань Цина, а вторая повернула его лицо назад, после чего последовал поцелуй.

Судя по ходу временной шкалы, это был их последний раз вместе, и совсем скоро они смогут встретиться в реальности.

Выбравшись из Личного домена, они обнаружили, что уже одиннадцать часов вечера. Хао Су закончил работу в семь, прошло ровно четыре часа. Вода для душа была набрана заранее по установленному таймеру, и Хао Су вошел внутрь, чтобы ополоснуться. Завтра суббота, дежурства не будет. Судя по его недавним наблюдениям, когда Фань Цин не был занят в школе, он спускался вниз за завтраком ровно в шесть часов утра, а в полдень — на час раньше, в одиннадцать. Причина, по которой он выходил заранее, заключалась в том, чтобы избежать лишних людей. Фань Цин не любил излишне контактировать с окружающими. Что касается вечера, то Фань Цин готовил дома сам. Прошлые изменения влияли на текущие воспоминания: в отличие от того времени, когда Хао Су только переехал сюда, теперь для Фань Цина Хао Су был самым близким человеком, они состояли в романтических отношениях. Хао Су было немного любопытно, какой будет реакция Фань Цина, когда завтра он узнает о его существовании.

Ночь пролетела быстро. На следующий день в одиннадцать часов двадцать минут дня Хао Су стоял на первом этаже в ожидании лифта, а рядом с ним находилось еще два или три человека. Так совпало, что двое из них были молодыми влюбленными, жившими напротив квартиры Хао Су, по диагонали. Жили дверь в дверь, к тому же у Хао Су был превосходный характер, поэтому все они были знакомы. Обменявшись кивками, они больше ничего не сказали.

В укромном уголке Фань Цин, держа в руках свой обед, молча ждал лифта. Его волосы немного отрасли: хотя от него исходила мрачная аура, он не выглядел неряшливым, просто казалось, что к нему невероятно трудно подступить.

Цифры на табло лифта сменились с десятой на девятую и наконец остановились на первом этаже, створки открылись. Внутри никого не было, молодая пара первой шагнула внутрь. Хао Су не спешил заходить, дождавшись, пока Фань Цин немного медлительным шагом двинется с места, и только тогда последовал за ним, поднимаясь следом.

Двери лифта тут же закрылись, внутри находилось всего четыре человека. Кнопка двадцатого этажа уже была нажата той парой, так что Хао Су не нужно было ничего нажимать дополнительно. Тем не менее он встал прямо рядом с Фань Цином, наблюдая, как тот зажал кнопку девятнадцатого этажа, а его тело постепенно напряглось.

Фань Цин почувствовал, что рядом с ним встал мужчина. Пространство лифта было таким большим, но вместо того, чтобы пойти в другое место, этот человек непременно прижался к нему вплотную. Тело узнало Хао Су раньше, чем разум, и волна возбуждения захлестнула его.

Фань Цин продолжал смотреть в пол, его взгляд невольно скользнул вбок, выхватив лишь пару туфель и края брюк. Весьма непринужденный наряд, однако и фасон, и цвет казались до боли знакомыми. Словно... он видел это где-то раньше.

Фань Цин впервые в жизни поднял голову в лифте, чтобы посмотреть на незнакомца. Он лишь хотел бросить быстрый взгляд — если успеть вовремя отвести глаза, его наверняка не заметят. Но он никак не ожидал, что, один раз взглянув, уже не сможет оторвать глаз.

Воспоминания о Хао Су неизменно останавливались на их стабильных и крепких отношениях. Эти два года они были так близки, что даже если бы стоящий перед ним человек не произнес ни слова, Фань Цин узнал бы его по одному лишь взгляду.

Однако, судя по его знаниям, Хао Су существовал в Личном домене, и он никак не должен был появиться в лифте.

Едва успело возникнуть это сомнение, как Фань Цин увидел, что Хао Су непринужденно опустил голову и легко улыбнулся ему. И улыбка, и взгляд были до боли знакомыми, словно он заговорил: «Цин Цин снова пришел навестить меня?»

Значит ли это, что он снова попал в Личный домен?

Фань Цин замер. Что это за сцена на этот раз? Точная копия реальности, симуляция повседневной жизни? С какого момента это началось? Он случайно заснул дома утром и бессознательно открыл Личный домен, или же он все еще ждет лифта, снова ненадолго отвлекся, и его сознание поплыло по течению текущей реальности?

Фань Цин не мог понять причину, а улыбка Хао Су обладала столь непреодолимой притягательностью, что он в оцепенении протянул руку и взял его за пальцы.

Это все еще было робкой попыткой, но даже когда его ладонь коснулась чужой кожи и ощутила это тепло, Хао Су не оттолкнул его. Его молчаливое согласие словно подтверждало, что все вокруг — лишь вымышленная сцена.

Тогда больше не нужно сдерживаться. Фань Цин никогда не нуждался в дополнительных масках перед Хао Су.

Хао Су и Фань Цин стояли прямо перед той парой, поэтому, несмотря на то, что движение Фань Цина было совсем небольшим, оба соседа все равно его заметили. Они переехали сюда раньше Фань Цина и кое-что слышали о нем. Тот всегда держался особняком, ни с кем не сближался, но что происходит сейчас? Какие отношения у этого господина с двадцатого этажа с ним? Ведь еще до того, как зайти в лифт, они выглядели совершенно незнакомыми людьми, а стоило подняться наверх, как второй тут же норовит взять первого за руку?

Пока они стояли в полном недоумении, лифт уже доехал до девятнадцатого этажа. Двери открылись. Фань Цин не вышел. Он просто держал Хао Су за руку и безучастно смотрел на него, ощущая странную, призрачную нереальность происходящего.

Когда подоспел двадцатый этаж, Хао Су вышел из кабины, а Фань Цин все еще крепко держал его за руку, вот так увлекаясь следом за ним наружу. Ни один из них не проронил ни слова. Молодая пара, хоть и сгорала от любопытства, не стала преследовать их взглядами.

Однако уже перед самой своей дверью они услышали голос Хао Су:

— И сколько ты еще собираешься так меня держать?

Голос звучал мягко и изысканно, но он мгновенно вывел Фань Цина из оцепенения.

Он попытался отдернуть руку, но тут же с удивлением понял, что его тело далеко не так послушно и рефлекторно, как внутри Личного домена. Организму требовалось время на реакцию — он находился в самой настоящей, реальной обстановке.

Фань Цин осознал это с почти шокирующим ужасом, после чего в его памяти всплыло всё, что он только что натворил. Он вышел из дома в реальном мире, чтобы купить обед, затем в лифте схватил за руку человека, похожего на Хао Су, да еще и притащился за ним на двадцатый этаж.

В следующий же миг, осознав содеянное, Фань Цин выпустил руку Хао Су и в панике попытался сбежать.

Внутри Личного домена он никогда не сомневался в реальности Хао Су, потому что, каким бы тот ни представал, это неизменно вызывало глубочайшую радость в его душе. Хао Су понимал его столь же хорошо, как и он сам, и этому не было другого объяснения, кроме того, что тот рождался в его собственном воображении.

Выходя из лифта за руку с Хао Су и до того, как тот подал голос, Фань Цин был абсолютно уверен в его личности. Но те слова, что Хао Су произнес только что, вдребезги разнесли его слепую веру.

Фань Цин был слишком труслив: стоило Хаосу чуть сдвинуть брови и сделать холодное выражение лица, как он тут же начинал сомневаться в собственном рассудке. Он мог без оглядки давать волю чувствам к плодам своего воображения, но он не смел изливать эмоции на совершенно постороннего человека, пусть даже тот был невероятно похож на Хао Су.

Он бежал куда глаза глядят, забыв даже про пакет с едой, оставшийся в руке.

Однако Хао Су двигался быстрее: он протянул руку и, приложив усилие одной рукой, рывком притянул его к себе. Прежний наигранно-холодный тон сменился привычным, и Хао Су обнял Фань Цина со спины, прижавшись губами к его уху:

— Куда это ты собрался бежать?

<http://bllate.org/book/21608/2228643>